

Я была дружна с Лидой около 23-х лет. И вот уже 9 лет остаётся чувство пустоты, образовавшейся после её ухода.

Лида пришла в ВИНТИ в Отдел информационно-поисковых систем по химии (ОИСХ, существовал такой отдел и просуществовал лет 10–15, точно не знаю) году в 1971-м. И дали нам на двоих одну задачку – автоматический перевод названий химических соединений с немецкого языка на русский: намечался обмен данными РЖ Химия с соответствующим институтом АН ГДР. Так что смысл какой-то в этом переводе был. А к осмысленности работы Лида была очень чувствительна. И стали мы всё обсуждать, формализовать, а потом я должна была программировать для БЭСМ 4. Оказалось, что заниматься этим (как впрочем, и многим другим) с Лидой – одно удовольствие. Она, тем временем, работала над своей диссертацией, ходила к А.А.Зализняку, слушала его лекции по санскриту, но к нашей задачке относилась вполне серьёзно и даже с азартом. Кто-то из дам, сидящих в той же комнате, что и я, и наблюдавших, как мы с Лидой разговариваем, заметил, что можно подумать, что речь идёт о чём-то захватывающе интересном. Это было Лидино свойство – делать интересным всё, к чему она прикасалась. А второе свойство – уважение к собеседнику (и к коллеге). Разумеется, критический механизм у неё не дремал, (одним из её характерных словечек было «бред»: «И тут он начинает нести какой-то бред»), но разговаривая (и работая) с ней, я всегда чувствовала себя умнее, чем с другими собеседниками. И формулировалось лучше, слова нужные находились, и все мои предложения, если они были разумными, благодаря Лидиной реакции казались значительными. Она искренне радовалась всем усовершенствованиям в алгоритме, которые я придумывала после периода уверений, что «этого сделать нельзя».

Эта работа была началом. Потом мы много всего делали вместе: разговаривали, гуляли, жили на биостанции на Карадаге, ходили на выставки и в кино, играли в карты в «up and down», слушали пластинки. Любимые пластинки в разные периоды были разные (Джоан Байез, песни Окуджавы к спектаклю «Вкус черешни», хоры и арии Верди, тройной концерт Бетховена и т.д.). Как только я (или мы с мужем) приходили, Лида ставила на проигрыватель любимое в данный момент, и мы кейфовали. В многочисленных кулинарных книжках (Лида их «коллекционировала» и заказывала, какую именно ей подарить) находилась что-нибудь экзотическое, но простое в изготовлении (например, что-то вроде яичницы внутри кусочков черного хлеба), Лида вспоминала анекдот, как в кулинарном рецепте все ингредиенты заменяются на то, что имеется под рукой, смеялась, мы с воодушевлением ждали, когда блюдо будет готово, с удовольствием всё уминали и болтали без конца.

Постоянно чувствовалась Лидина филологическая «сущность»: она всегда слышала языковые особенности собеседника, у меня выискивала чёточки старомосковского говора, расспрашивала, в какие языковые игры играли у нас дома в моём детстве, какие были в ходу у моей бабушки французские словечки (типа *jour fix*, *embarras de riches* и пр.), записывала детские считалки. (Статью «Языковая личность», по-моему она скомкала: план у неё был гораздо более далеко идущим).

Я всегда испытывала удовлетворение, когда у нас совпадали литературные вкусы, считала Лиду эталоном. Помню, в одной вещи Маканина (где роют подкоп под Волгой) в каком-то месте мне стало тошнотно, и вдруг по телефону выясняется, что Лида, начиная с этого места, читать не смогла. А «Детей Арбата» вовсе прочесть не смогла, а я прочла, но через силу, удивляясь, как можно всерьёз писать о литературных достоинствах этой вещи. У нас обеих вызвал некоторое недоумение «Кукольный домик» Апдайка и качество перевода Аксёновым «Регтайма». Или, наоборот, оказалось, что нам «безумно» понравились одни и те же сцены в «Амаркорде» (танец под воображаемую музыку в тумане около замка, проход героини между рядами снежных сугробов) и танго в «Аромате женщины». Может быть, это смешно – такое перечисление, но с тех пор, как нет Лиды, нет такого человека, с кем можно обсудить ВСЁ и негодовать вместе, и «сливаться в экстазе» (Лидино выражение) и получать

¹ Кислякова Ольга Игоревна, математик. Работала в ВИНТИ. Сейчас научный сотрудник ГПНТБ.

наслаждение, сидя в кафе-мороженом «Снежок», и всегда быть уверенной в понимании. Кстати, опять же мы обе любили пообедать в каком-нибудь приличном и недорогом «общепите», и уже разойдясь по разным местам работы, иногда встречались в столовой Дома политпросвещения на Трубной (в моём ИВЦ, находившемся рядом, туда выписывали несколько пропусков, и по 3-4 пропускам могли, передавая их друг другу, пообедать человек 10) или в пиццерии на Рождественском бульваре, или в столовой какого-то нефтяного министерства на Кировской, или ещё где-то.

Лида любила уходить со спектакля или фильма, почувствовав, что он «не тот». Я бы по инерции сидела, раз уж так получилось, что мы тут оказались, а Лида решительно вставала, и мы чудесно шли до какого-нибудь не самого близкого метро по весенним бульварам или по поскрипывающему снегу.

Очень «живой человек», живой интерес к людям, местам, деталям быта. Один раз Лида пришла к нам в Трубниковский рано, часов в 10 утра (была рядом в магазине на Калининском пр.) ради того, чтобы застать наш утренний ритуал (я ей рассказывала, что мы по утрам всегда едим геркулес) и была очень разочарована, что как раз в этот день у нас была гречневая каша. Почему я так отчётливо помню это разочарование – не знаю. Очевидно, у Лиды всё было ярким.

Небольшое событие превращалось у Лиды в чудесную маленькую новеллу: разговор с директором ателье по поводу шитья свадебного платья из коричневого бархата, визит к врачу, организация в ВИНИТИ вечера Петрушевской (та бежала, как Золушка, с эстрады конференц-зала, в страхе, что у водителя винитевской машины кончится рабочий день), сценки в Валерином детском саду, в винитевском отделе. Вижу сейчас, как Лида складывает руки и закатывает глаза перед кульминационным моментом.

А вот то, как Лида пела свои песни, мне не очень нравилось: интонации казались нарочитыми, иногда «а ля рюс». Стихи сами по себе гораздо сильнее.

Как-то Лида сказала о Блоке, что его нравственные качества для неё вне всяких сомнений (по-моему, прямо этими словами). Так вот, к самой Лиде это относится в полной мере: это был человек самых высоких нравственных качеств. Её отношение к людям – всегда готовность выслушать, посоветовать, помочь: найти нужного врача, посмотреть сочинения и поговорить с чьим-то сыном/дочерью на предмет его/её возможностей поступить в гуманитарный ВУЗ и даже позаниматься грамотностью очередного, подсовываемого мною объекта, несмотря на всю свою занятость. (Очень жаль, что Лида не успела, хотя собиралась, написать нечто вроде пособия на эту тему: разложить по полкам, формализовать, доступно изложить правила русской орфографии и синтаксиса – у неё бы это получилось. Было бы бесценное пособие).

И никаких компромиссов с непорядочностью...

Одновременно с умением помогать у Лиды поражала готовность выразить благодарность, какой-бы ничтожной ни была заслуга адресата этой благодарности. Лидино «спасибо тебе, Оля», я слышу его и сейчас, всегда было очень искренним (как её отец Владимир Яковлевич говорил по телефону: «Рад вас слышать», и ты понимал, что это правда, а не знак вежливости) и каким-то значительным, к чему бы оно ни относилось: рекомендованной книге, если она ей понравилась, совету прийти на выставку картин из Прадо не к началу сеанса, а позже, ну и т.д. Последний раз я услышала это «спасибо» по поводу купленных ею колготок. (Я была у неё числа 10-го мая, Володя был в Казани, с Лидой была Мирра Евсеевна. У Лиды были усталые, вымученные глаза.). Всё, как будто бы, было, как всегда, но чувствовалась какая-то потерянности. В частности, Лида сказала, что не знает, как и где теперь можно что-то промтоварное купить, например, колготки. Я ответила, что это просто и направила её в ближайший универсам. Через пару дней Лида купила колготки и позвонила мне со своим особенным «спасибо тебе, Оля».

Лидина широта (интересов, взглядов, образованности) всегда поражала. Сознаюсь, что мне было немного грустно, когда она вся сконцентрировалась на библии, на иврите. Это было такое собственническое чувство: уже нельзя с ней поговорить о том, что появилось в последнем «Новом мире» (90-е годы) и т.д. Она сама говорила с грустью, что уже больше ничего, не относящегося к её работе, читать не сможет. Её угнетало то, что специалисты-библеисты занимались этим с младых ногтей, а её опыт – всего

несколько лет, что она не успеет сделать того, что хотела бы. И она работала, и работала, и по-моему, загоняла свой размах, ту самую широту интересов и физические силы в ограниченное пространство – и произошла катастрофа. Я не хочу сказать, упаси Бог, что рамки библеистики узки, просто ограничивать себя – чревато. Говоря высокопарно, Лида была «человеком мира».

После всех значительных событий в своей жизни (защита диссертации, например) Лида заболела: с высокой температурой, долгой после этого слабостью и т.д. Называли это обычно гриппом. Кто-то из врачей году в 75-м сказал Лиде про её «повышенную реактивность». По-моему, ни одну официальную эпидемию Лида тоже не пропускала. И при всей «хилости» такая энергия: и душевная, и физическая! Не говоря о работе, взять хотя бы постройку дачи. Стоит только подумать об организации всего этого процесса, у меня волосы на голове шевелятся, а Лида всё это провернула. (Лиде хотелось завести дачу, а Володя заканчивал диссертацию, и если я не ошибаюсь, по этому поводу у них была договорённость.) А с каким аппетитом Лида там устраивалась, и всех-всех звала в гости. А какой чудный поход они с Володиёй оттуда устроили (Тверь, Торжок, кажется, Старица и в конце концов от конечной остановки какого-то автобуса пешком к себе через «печальные деревни», несущие на себе следы войны и всех предыдущих и последующих лет советской власти. И опять – как Лида об этом рассказывала!

Я была тупа и не чувствовала размера надвигающейся трагедии, не понимала, насколько глубоко Лидины страдания из-за неустроенности Валеры, хотя мы разговаривали об этом, и не один раз Лида поминала свою вину (занималась диссертацией и вообще «своими» делами, а Валера была на пятидневке), применяла гумилёвский термин «химера» к своему союзу с Эдиком и к характеру Валеры. Я говорила какие-то успокоительные слова, но очевидно не те. А после возвращения Лиды из больницы, когда она жаловалась на отсутствие сил, на то, что всё ей стало сложно, что она готова весь день лежать, мои дурацкие уверения, что полежать – это замечательно и не надо огорчаться по этому поводу... – как это было глупо. И ничего уже не исправишь.

А ведь какой-то интерес к жизни у Лиды ещё теплился. Последний раз она мне звонила, чтобы спросить, из-за кого я была на концерте в Гнесинской школе (ей об этом сказал Лёня Владимиров, чей сын в этом концерте участвовал). Вспомнили почему-то «В полдневный зной в долине Дагестана...», и Лида усталым голосом сказала, что я «слишком строга», говоря о необязательных словах, встречающихся у Лермонтова (в отличие от Пушкина). И всё. Дня через три в субботу я ей позвонила, и Володя (не могу подобрать слово, какой у него был голос) сказал, что она ушла из дома рано утром.

Июнь 2003 г.